

ЭТИМАД БАШКЕЧИД

ПРЕИСПОДНЯЯ

Рассказ

Перевод Лейлы АЛИЕВОЙ

...Я слышал о священных птицах и преданных конях... Потом об этом же я читал в книгах. А еще чуть позже, в одном из дешевых кинотеатров Москвы, кушая попкорн и попивая фанту, вместе с остальными людьми смотрел фильм известного режиссера Пазолини «Птицы и птенцы», и с того времени я осознал, что животный мир может во многом быть примером для человечества.

В этом фильме Пазолини монахи были посланы для распространения христианства среди птиц. Благодаря стараниям монахов ястребы и воробьи стали христианами. Но в жизни ястребы охотятся на воробьев, так что после того, как они стали священными, они не бросили своих обычаев и продолжили охотиться на воробьев-христиан.

Не знаю, обращали ли вы внимание, что все существа, особенно люди, больше похожи на то, что они едят, а не на то место, где они живут. В издаваемом в Лондоне научном журнале «Foks Ltd» в 2005 году в 7 выпуске журнала шла речь об осмотре кишечных червей. Там говорилось, что перед тем, как дать им поесть, их дразнили с помощью света. Такого рода опыты проводил великий русский физиолог Павлов над собаками. Только англичане пошли дальше Павлова. После того, как они у одной части червей создали условный рефлекс, потом их же, убив, разрезали на кусочки и скормили тем, у которых не было условного рефлекса. В итоге после того, как они переварились, все рефлексы перешли к другим червям.

Вот так вот, дорогой читатель.

Ты думаешь, в некоторых африканских племенах едят человеческое мясо от нечего делать? Совсе нет! Просто то, что ученые открыли только-только, они знали с очень давних времен, поэтому бывают не против поесть человеческого мяса. И правда, чтобы добавить силу, опыт другого человека к своим – самым коротким путем является каннибализм. Но это сказали не мы!

Оставим африканцев в покое. Разве среди тех же европейцев, которые суют свою культуру людям в глаза, не было тех, которые вырывали сердца у врагов и выпивали их кровь? Я уже не говорю о правителях Азии, для которых это было привычным делом. Не зря в народе мужественных людей называют «человек с сердцем» или «человек с печенью».

До этих пор я думал, что слова «я бы съел твое мясо» – это всего лишь фразеологизм. В настоящее время, за исключением некоторых маньяков, в буквальном смысле никто не будет есть чье-то мясо. Еще недавно я читал в одной небесной книге, что если мы нарушаем чьи-то права, мы, считай, едим его мясо. Не больше, не меньше!

Еще Иисус Христос, предлагая своим сподвижникам хлеб и вино, сказал: «Держите, ешьте, это моя плоть. Пейте, это моя кровь». Теперь скажите, после выше прочитанного стоит ли теологам вести споры о том, что хотел сказать Иисус? Иисус этими словами хотел сказать лишь то, что он знал, что они его предадут и весь его труд растопчут под ногами.

Прошу прощения, дорогой читатель, за то, что начинаю свой рассказ издалека. Но есть такие обстоятельства, что о них либо надо говорить таким образом, либо вообще не говорить. Во всяком случае, так называемая прелюдия – не наше открытие...

Тогда только настала осень. Помнится, что лето продлилось еще 5 – 6 дней, и вдруг настала дождливая погода. Но как она началась! Я уже почти 3 года жил в комийском городе Инта и знал, что пока земля не насытится водой, дождь в этом городе не прекратится.

Коми так и назывался – Коми. В городе Инта людей комийской национальности можно было сосчитать по пальцам. Они в свою очередь почему-то пытались скрыть свою национальность. Если не учитывать инженеров, учителей и других, то можно сказать, что большинство семидесятитысячного населения Инты работают в угольных шахтах. Однажды мы провели расчеты о шахтерах в городской газете, в которой я работал. Стало известно, что они большую часть своей жизни проводят под землей. Шахтеры Инты полушутя, полусерьез называли друг друга мышами, и никто на это не обижался. Жителям Инты в некотором смысле приходилось жить мышиной жизнью. Все равно у них не было возможности заниматься другим трудом. Знающие знают, что эта земля не плодородна, и на ней не растут не то, что фрукты, а даже картошка. В Инте ни воздух как воздух, ни вода как вода. Может случиться так, что твоя дорога будет проходить через этот город, и тогда не забудь посетить кладбище, мой дорогой читатель. Впечатление, которое ты получишь, останется у тебя на всю жизнь. На этом братском кладбище покоятся люди разных национальностей, жившие в бывшем СССР. Всех их в свое время изгнали сюда, в основном, это зеки и их потомки. Самое большее, сколько живет житель Инты, 45 – 50 лет, и это выгравировано на камнях вместо эпитафии. Инта такой город, что если наступает ночь, то утро настанет лишь через 6 месяцев. Если хочешь знать, тут нет никакой романтики. Каждый житель знает, что он может не дожить до завтрашнего дня, и большинство людей, которым надоела их жизнь, убивают себя именно в эти безутренние ночи. Если хочешь узнать точное количество ... опять же ты должен посетить это кладбище. Здесь для них есть отдельное место. В отличие от умерших своей смертью, они похоронены в стороне и как попало. Одна дорога ведет туда, где похоронены неверные, и оно больше другого, а не меньше. Еще одно отличие этого города было в том, что туда можно было поехать и уехать оттуда только на поезде. Приехать, а потом уехать оттуда по-другому было невозможно. А все из-за того, что по всему периметру он был окружен бесконечными болотами. Именно поэтому с тех пор, как построили Инту, ни один заключенный не захотел убежать оттуда. Куда ему бежать?

О том, какое место Инта, можно говорить бесконечно. Но из-за того, что я не люблю болтать, думаю, надо остановиться на вышесказанном. Хочу еще добавить, что слово «Инта» в переводе с комийского означает «яма», «впадина», и тот, кто дал это название, правильно все подметил.

... Как я уже говорил, в то время шли сильные дожди, все было залито водой. В такую погоду даже животные не хотели выходить на улицу, не то, что человек. Я не представлял, как я пойду в редакцию на другом конце города. Квартира, которую я снимал, находилась далеко от дороги. Во время дождя дороги становились непроходимыми и единственным способом не попасть по колено в грязь было не выходить из дома. Я уже не говорю про давку в автобусах. Я позвонил нашему репортеру Павлу. Зная, какой он нудный человек, я, даже не поздоровавшись, сказал:

– Паша, я не смогу сегодня прийти, прошу тебя, займись моими делами тоже...

– что значит, не придешь Тут, по-вашему, кто ... Гриша в отпуске, Саша в командировке, теперь ты. ... вот увидите, газета не выйдет....

Паша никак не замолкал. Через каждые его два слова шли ругательства. Действительно, Паша не следил за своими словами, но в редакции никто не мог ему возразить. Потому что, во-первых, он был самым старшим работником в газете, ему было

около семидесяти лет, а во-вторых, он был одним из главных людей в редакции, а может быть, и самым главным. Так что Паша проживал в редакции свою жизнь, его не отправляли в командировки, не давали ему отпуска. Несмотря на то, что он был нашей живой реликвией, в Инте в таком возрасте было один или два человека, но он сам говорил, что его занятие – это работать, как ишак. И, похоже, такая жизнь была ему самому не по вкусу. Ни жены, ни детей, он как будто в течение долгой жизни со всеми по одному распрощался.

Я убрал трубку от уха и зажег сигарету, а когда он немного затих, снова поставил трубку к уху:

– Если редактор спросит, скажи, что я сильно заболел и не встаю с кровати, – сказав эти слова, я сразу же положил трубку.

Не прошло и пяти секунд, как зазвонил телефон. Это был Павел.

– Я тебя предупреждаю, Эдик, – в его голосе чувствовалась угроза, – от моей Искры может загореться огонь, ааа

Я не дал ему договорить, протянул руку и выдернул шнур из сети. «Искра» – так называлась наша городская газета. В отличие от ленинской «Искры» наша «Искра» ещё сто лет ничего не выпустит. Я заранее знал это. Если что, то меня могли бы выгнать с работы. Ведь для этого я сделал все, что мог. Сколько раз я приходил на работу пьяный, сколько раз возражал редактору, обижал сотрудников и еще много чего. Я подумал, вернее, заставил себя подумать, что в такую дождливую погоду ни одна искра не сможет породить огонь, и согласно этой логике я был уверен, что ничего не будет. Если искра не породит огонь, меня не выгонят с работы. Если честно, я не хотел уходить из газеты. Как бы то ни было, я давно там работал, уже привык. Плюс ко всему, я ничего не умел, кроме того, как писать. А в угольную шахту не спущусь, даже если буду умирать с голоду.

Все произошло после этого. Я пошел на кухню, чтобы поставить чайник. Когда я, приоткрыв дверь, хотел войти, между моих ног пробежала черная крыса, и я увидел, как она побежала в спальню. Я не знаю животного отвратительнее крысы. Так что, не лентяй, я побежал за ней. Но к тому времени она уже куда-то скрылась, сколько я ни искал, не нашёл. Я не представлял себе жизни с крысой в одной квартире, поэтому вытащил ловушку, которую держал в запасе. Настроил ее и положил рядом с ножной кроватью. Чтобы вы знали, у крыс очень острый нюх, и они очень хитрые животные. Загнать их в ловушку непростое дело. У меня были кое-какие знания насчет этого, поэтому я замаскировал ловушку бумагой и вернулся на кухню. Только я поставил чайник на газ, как из спальни донесся сильный хлопок. Я поспешил туда и увидел, что в ловушку попала большая крыса. Ловушка ударила ее прямо по спине, но она была все еще жива. Она визжала, словно человек, и передними лапами царапала кровать, иногда даже пыталась кусать ловушку. В конце концов она, собрав все силы, смогла потянуть ловушку за собой. Но уже было невозможно вырваться из клещей смерти. Вскоре ее писк стих, от боли она дернулась в разные стороны и умерла.

Только сейчас я обратил внимание на то, что это была не та крыса. Эта была обычной серой, намного меньше первой крысы. Не стоило удивляться, крысы – это такие животные, что если одна на виду, значит, еще 5-6 прячутся. Да уж, одной ловушкой решить эту проблему будет трудно, тут надо найти другой способ. Возможно, какая-то крыса-мама нашла путь в мою квартиру и тут же родила.

Я ногой вытолкнул капкан на балкон, потом свесился через перила и начал звать безработного Васю, который жил этажом ниже меня...

– Вася! Вася! Василий!...

Вася, в нижнем белье, шатаясь, вышел на балкон. По выражению его лица было видно, что он в глубоком похмелье. Его лицо было ужасным.

– Что такое, что снова случилось с утра пораньше? – спросил Вася со стоном.

– Вася, у меня есть отличный обед для твоей кошки, иди, возьми.

Он начал ворчать еще громче:

– Я-то думал – что случилось? Сейчас моя кошка даже антрекот не съест...

– Почему? Неужто заболела?

Вася вместо ответа махнул рукой и зашел внутрь.

Я не ожидал от него безразличия на эту тему. Чтобы Вася отказался от еды для своей любимой кошки!

– Вася! Василий!

– Что такое? – отозвался Вася.

– Выйди на минуту!

– Вышел. Что? – Вася высунул голову.

– Ты, наверное, не понял, я тебе крысу предлагаю вот такой величины, – я раскинул руки и показал ему крысу больше кошки.

– Таких крыс у меня в квартире сколько хочешь есть.

Я стал злиться на Васю за то, что он не забрал крысу.

– А почему мне не сказал?

Он с удивлением посмотрел на меня.

– В смысле, ты что, врач-санитар?

Пока я размышлял над достойным ответом, он добавил:

– Ты плохо выглядишь, мой друг, иди, измерь температуру, – и зашел в дом.

Я хотел снова позвать Васю и серьезно с ним поругаться, но всю свою злость выместил на соседях. Оставив мертвую крысу на балконе, я пошел на кухню. Аппетит полностью пропал. Выпив стакан чая, я зажег сигарету. Значит, так! Только крысы мне не хватало. Значит, у Васи в квартире тоже появились крысы. Тогда и в других квартирах есть крысы, по-другому быть не может. Возможно, крысиные норы залило водой, и они начали лезть вверх, в квартиры. Шум бесконечного дождя подтверждал мою мысль. Глядя в окно, я подумал, что это пропуск работы закончился такими последствиями. Я ведь остался отдохнуть, а с утра вон чем занимаюсь. Я сел в свое каминовое кресло и постарался думать о других вещах.

... Был полдень. Я проснулся от звонка в дверь и увидел, что заснул прямо в кресле. В дверь начали стучать.

– Кто там? – спросил я.

– Откройте, мы из санитарной службы, – нервно ответили за дверью. Видно, долго они стучались в дверь. Похоже, крысиная проблема растет. Они прямо из комитета по борьбе с вредителями. Но я же их не звал. Казалось странным такое рвение этой неизвестной санитарной службы. Я открыл дверь. Это были один мужчина и две женщины. В руках они держали тетрадь и карандаш, чемодан с препаратами и лекарствами, на котором был красный крест. Как только дверь открылась, все как по команде ворвались внутрь. Женщины молча осматривали квартиру. Мужчина сел за мой письменный стол, положил перед собой листок с карандашом и начал задавать мне вопросы.

– Квартира ваша?

– Нет, я квартирант.

– Ясно, – он что-то написал в тетради, – сколько человек живет в квартире?

– Я один.

– Ясно. А где работаете? – задавая вопросы, он не отводил взгляда от карандаша.

– Я журналист газеты «Искра», у меня нет родственников за границей, я из образованной семьи, не являюсь членом партии, не судим, азербайджанец, родом из Грузии, что вам еще интересно?

Я потихоньку начинал выходить из себя – и какое отношение это имеет к крысам?

Мужчина поднял голову и с удивлением посмотрел на меня. Потом поднял лист, который лежал перед ним, и потряс им в воздухе:

– Ты этот вопрос задай тому, кто создал эту анкету, – он уже обращался ко мне на «ты», – пожалуйста, подпишись тут.

– Это для чего?

– Это акт о том, что в квартире, в которой ты живешь квартирантом, проведена санитарная обработка, подпишись.

Я подписал бумагу. Мужчина взял листок, положил между листами тетради и обратился к женщинам.

– Девочки, поторопитесь, смотрите, сколько квартир нам надо еще обойти.

Таким образом, в моей квартире была проведена санитарная обработка. Одна из «девочек», толстая женщина, у которой на лице слоями была наложена косметика, строго-настрого наказала мне не прикасаться к ядовитому препарату, который они положили в угол. Кроме этого, если возможно, не держать продукты дома, а лучше всего на несколько дней покинуть квартиру. Я сказал, что выполню все, что они посоветовали, только бы они оставили меня в покое.

Вернувшись, я сел в свое камышовое кресло. У меня в голове начался шум, в теле было какое-то изнеможение. Я чувствовал себя больным. Вдруг я почувствовал, что ненавижу этот город, себя в нем, всех людей и все вокруг. Я тяжелый и немного ленивый от природы человек. А если точнее, был когда-то таким. Этот проклятый город сделал меня нетерпеливым, быстро выходящим из себя и нервным. Окружающие считали это кавказским темпераментом, но мне было ясно, как день, что это не так. Ясно, что три года, которые я здесь потратил, были не ради светлых перспектив, а только ради того, чтобы не попасть в тюрьму, в психушку или в один день не покончить жизнь самоубийством. Вот чем я занимался. Я, как и все жители Инты, жил мечтой уйти отсюда и исчезнуть. Возможно, эта мечта и держала меня на плаву, больше ничего. Можете подумать: велика мечта – если хотел уйти, ушел бы. Но куда ушел бы? Я даже не думал о том, чтобы вернуться в деревню. Я ушел из деревни, чтобы покорить мир, а не для того, чтобы вернуться ни с чем. А в Баку у меня не было ни места, где остановиться, ни человека, который бы мне помог. Все родственники были разбросаны по городам России. Просидев так достаточно долго, я включил телевизор, прилегал на кровать и начал смотреть программы. На местном канале выступал главный санитарный врач города: «Дорогие зрители, просим вас учесть все вышесказанное, быть ответственными и соблюдать советы соответствующих организаций. Крысы могут быть носителями заразной болезни. Именно поэтому не советуем вам входить с ними в контакт. Особенно надо усилить надзор за детьми. Ставить ловушки или другими методами уничтожать крыс запрещено». Затем говорили о другом. Крысы вошли в повестку дня.

... Ближе к вечеру я включил телефон в сеть и позвонил Павлу.

– Паша, как дела?

– Что теперь будет ... в городе невозможно передвигаться из-за крыс ... Ты завтра выйдешь на работу ...?

– У вас дома тоже есть крысы?

– Конечно же, есть... Ты завтра выйдешь на работу или нет?

– Не знаю, Паша, я сейчас думаю о том, чтобы уехать из этого города.

– А кто не думает об этом? Я, к примеру, думаю об этом 60 лет – немного помолчав, Павел добавил: – Эдик, приходи к нам, у меня есть хорошее горячее, из Москвы привезли.

Павел, даже когда хотел помириться, не понижал тон. Только переставал ругаться.

– Не хочется мне, Паша, – отказался я.

– В каком смысле не хочется? Ты что, действительно заболел? – по его мнению, все, кто отказывается от горячего, больные.

– Да, заболел, – сказал я.

– Что поделаешь, если гора не идет к Магомеду, то Магомед должен пойти к горе. Сиди дома, сейчас буду.

Не прошло и 15-20 минут, как Павел был уже со мной. Попивая московскую водку, мы поговорили и поделились проблемами. Разговор вернулся опять же к крысам. После того, как мы просмотрели мою книжную полку, Павел повернул ко мне свое покрасневшее от водки лицо.

– Ты читал роман Камю «Чума»? – он задал этот вопрос не так просто. Ведь Камю в этом романе как будто описывает нашу жизнь в Инте. Зараженные крысы вышли наружу и заразили жителей чумой...

– Да, – сказал я, – описываемый там город – как будто наш город.

– Да! Но, слава Богу, еще нет ни мертвых, ни пропавших.

– Пока что нет.

– И не будет! – сказал Павел, выпив еще стакан водки и захрустев огурцом.

– Откуда ты знаешь? Ты ясновидящий?

Он посмотрел на меня с упреком.

– Ай-яй-яй! Что ты знаешь про меня, друг? Я недавно был в санэпидемстанции, там мне сказали, что крысы ничем не болеют.

– Но тогда почему они покинули свои норы?

Когда я задавал вопросы, Паша становился серьезнее.

– Этого никто не знает, – как будто бы, если это было бы известно, Павел должен был знать. – Почему дельфины стаями выбрасываются на берег?

Я поднял руки. Это значило, что его ответы меня полностью удовлетворяли.

Я выпил еще один стакан водки. У нас было такое правило – каждый пьет, сколько ему захочется. Нет ни тостов, ничего лишнего, всего лишь «будь здоров».

Я сообщил Павлу, что сегодня пришли и очистили мою квартиру.

– Мою квартиру тоже очистили. Это чепуха.

– Почему чепуха?

– Я гляжу, ты еще о многом не знаешь, – с разочарованием протянул Павел. – Ты сам говоришь, крысы узнают ядовитые вещи лучше тебя и меня.

700-граммовая бутылка водки была опустошена. Из-за того, что пепельница, лежавшая на столе, была переполнена, мы бросали пепел в бутылку.

– Может, возьмем еще бутылку, – Павел озвучил обычное предложение в таких случаях.

– Хватит, Паша, я не буду пить, – сказал я, – лучше скажи, если крыс невозможно отравить, для чего весь этот переполох, зачем ходить по домам и морочить людям голову?

Павел начал смеяться. Он долго ржал, затем успокоился.

– Они же должны что-то делать или нет?

Его слова напомнили мне одну историю. Один человек поехал в Иран. Там ему захотелось в туалет. Зайдя внутрь, он видит, что за дверью сидит мужик и рядом с ним стоят две афтафы¹ – одна белая, другая красная. Когда он захотел взять белую, мужчина сказал ему: «оставь эту, возьми красную». Закончив свое дело и возвращая афтафу на место, он думает: «Интересно, почему мужчина не разрешил взять ту афтафу?» И спрашивает: «Дядя, почему ты не разрешил взять белую афтафу?» Мужик ответил: «Сынок я сижу здесь, я же тоже должен слово сказать или нет?»

В этот раз засмеялся я, вспомнив, что сам давно рассказывал Павлу эту историю.

¹ Кувшин для гигиенических нужд.

Наше собрание подошло к концу. Когда Павел встал, чтобы уйти, я попросил его об одной вещи.

– Паша, не обижайся, но у меня на балконе лежит мертвая крыса, я хотел попросить, чтобы ты взял ее, и когда будешь на улице, выкинул в мусорный ящик. Поверь, что я не могу к ней даже прикоснуться, иначе сам бы выбросил ее и тебя не утруждал бы.

– Конечно, нетрудно, – Павел пошел в сторону балкона, дойдя до капкана, ударил его ногой и выкинул во двор. – Ты все превращаешь в проблему, мой друг, так жить нельзя.

И вправду, было столько простых способов избавления от крысы, но они не приходили мне в голову. Я проводил Павла до уличной двери. Здесь он, как будто немного колеблясь, постоял, потом, понизив тон, сказал:

– Держи голову выше, друг, сидя дома, ничего не выйдет. Завтра в 10 часов, как штык, на работе, хорошо?

– Хорошо, Паша, – сказал я.

– Договорились. Завтра я познакомлю тебя с единственным и незаменимым способом уничтожения крыс. Не опаздывай!

Некоторое время я смотрел Павлу вслед. В редакции все его считали нелюди-мым. Возможно, это так и было, но почему-то он полюбил меня, а причину этого я не мог понять. Если честно, я недолюбливаю русских, но к Павлу у меня особое сочув-ствие. Возможно, из-за того, что он был нелюдимым, а может, по другой причине, не знаю.

Утром я увидел сильное оживление на работе. Все говорили о крысах, запол-няющих дома. Даже наш всегда спокойный редактор бегал по комнатам и кричал «Ужас! Ужас! Это невиданное дело!» и всех пытался втянуть в разговор о крысах. На его лице, кроме заботы и, как он сам говорил, «ужаса», больше выражалось торже-ство. Будто в городе приземлился НЛО, к тому же не один НЛО, а несколько. И из-за того, что редактор не пропустил такое событие, он был на седьмом небе. Его понять нетрудно. В городе, где в течение долгих лет ничего не происходит, стать свидете-лем нашествия крыс равно появлению НЛО. Увидев меня, он вышел навстречу мне.

– О-о-о, Эдик! Видишь, да, что происходит? Иди-ка сюда, – положив руку мне на плечо, направил меня в сторону своего кабинета. – Ты вообще в жизни видел столько крыс?

У меня не было настроения слушать его тираду.

– Почему не видел, видел, – сказал я.

– Правда? Где? – с удивлением спросил он.

– Разве мы не живем в городе крыс?

Он засмеялся:

– И правда, живем, но речь идет о настоящих крысах.

– Еще невозможно понять, какие крысы настоящие, какие нет.

Редактор остановился и убрал руку с моего плеча. Наверное, увидев мое на-строение, он передумал вести меня в свой кабинет. Вместо этого он в приказном тоне сказал, что ждет от меня материал о последних событиях для завтрашнего номера и продолжил свой путь в одиночестве.

Только я зашел в свой кабинет, хотел снять плащ, пришел Павел.

– Не снимай плащ, не снимай, сейчас уходим!

– Что случилось? Куда уходим?

– Ты хочешь познакомиться с единственным и незаменимым способом уничто-жения крыс?

– Было бы неплохо, – пробурчал я.

– Тогда не задавай лишних вопросов, иди садись в машину, поедем в совхоз.

Я пошел и сел в машину Павла, которая была такой же огромной, как и он. Дождь шел, не переставая, вода стекала со стекол машины в слив.

– Пропади ты пропадом, святая Русь, – затем Павел, ругаясь на погоду, подошел к машине.

Мы уселись в автомобиль и направились в место, называемое совхозом. Совхоз находился совсем на конце Инты. Судя по разговору, здесь разводили оленей. Но новые русские при первой же возможности всех распродали. Даже не оставили для воспроизводства потомства. Сейчас тут вместо всех рабочих был один сторож, и никто не знал, зачем он нужен.

Павел остановил машину перед длинным большим навесом. Выйдя из машины, мы пошли под навес. Вокруг не было ни души. Рядом с задней стеной навеса были собраны ящики. Павел осмотрелся вокруг и закричал:

– Григорий, аууу! Григорий!

– Иду, иду, – послышался тонкий, шипящий, не присущий здешним людям, голос.

Вскоре показался и сам сторож. На нем был водонепроницаемый плащ, на ноги он надел резиновые сапоги. У Григория было классическое лицо алкаша, впалые глаза, как будто вбитый лоб, а впалые щеки делали его похожим на страдающих святым. Он принес с собой запах водки, рыбы и лука. Они поздоровались как старые знакомые.

– Познакомься, – Павел показал рукой на меня, – он из Москвы, журналист. Он хочет познакомиться с местными условиями.

Если честно, я не понял, для чего это вранье Павла. Григорий оглядел меня с ног до головы.

– Уважаю! Да, журналистов я уважаю. Но, Пал Палыч, сам же знаешь, мне запрети.

– Ну и что, разве запреты ставятся не для того, чтобы их нарушать? Эх, Гриша, сукин сын...

Григорий вздохнул:

– Нет, Пал Палыч, нельзя! Начальство .. Сам знаешь... Иначе бы тут от людей двигаться было бы невозможно.

– Ладно, ладно, кончай, – Пал Палыч двигал руками, как будто рассеивал чуть ли ни видимый в воздухе запах, – я-то подумал, что мы сядем, выпьем по 100 грамм, разреем проблемы. Я еще взял с собой пол-литра горячего.

Потихоньку лицо Григория просветлело.

– Я ничего не говорю, но, Пал Палыч, смотри, чтобы начальство не узнало.

– Не узнает! Как будто что-то будет, если узнает? Ты начинай, пусть наш гость наконец познакомится с нашей современной технологией.

Стало ясно, что начальство и все остальное – пустые вещи. Григорий делал все это из-за литра водки. Он, не сказав ни слова, быстрыми шагами пошел туда, откуда только что пришел, и спустя немного времени вернулся. Когда он вернулся, у него в руках были длинные щипцы и сделанный кустарным способом сундук.

Григорий, пройдя мимо нас, пошел в сторону ящика, стоящего возле стены. Мы тоже пошли за ним. Только мы подошли к ящикам, как оттуда послышался такой писк, такой шум-гам, что невозможно было передать. Это была какофония, которая действовала на человека до мозга костей – крысы в ящике пищали изо всей силы.

Павел поднес рот к своим ушам, чтобы я слышал его голос, и громко сказал:

– Ох-хо-хоо, похоже, крысы учуяли запах Гриши, ты смотри дальше!...

Григорий положил на пол сундучок и приоткрыл дверцу. В сундучке было 10-15 прижавшихся друг к другу и трясущихся крыс. Эти крысы, в отличие от тех, которые в ящике, были слабее, и даже когда Григорий бросал их по одной в ящик, они даже не пищали.

Павел взял меня за руку и поднес к одному ящику. То, что я увидел там, мой дорогой читатель, я не забуду, даже если заболею тяжелым склерозом или воскресну путем реинкарнации. В ящике была крыса размером с кошку. Ее шерсть блестела на ее туго натянутой коже. Она поднялась на задние лапы и двигала огромными усами, как будто нюхала что-то. На самом деле крыса двигала своей жирной шеей, как змея, чтобы со всех ракурсов рассмотреть брошенную к ней маленькую крысу. А брошенная Григорием крыса зажалась в угол, тихо пищала и царапала стенки ящика.

Это длилось недолго. Большая крыса потихоньку положила лапы на землю и начала приближаться к маленькой. Теперь между ними оставалось небольшое расстояние. Маленькая крыса уже не двигалась, она была как будто под гипнозом и, ничего не понимая, смотрела на большую. Ее бока двигались, как насос, а глаза чуть ли не выходили из орбит. В один момент большая крыса бросилась на нее и схватила зубами, жертва даже не нашла возможности сопротивляться. Теперь большая крыса легкими движениями головы била ее из стороны в сторону, иногда отпускала изо рта, потом снова брала. В скором времени маленькая крыса совсем обессилела, у нее остались силы только тихо пищать. Большая крыса не ждала ее смерти, она залезла на нее передними лапами и потихоньку рвала ее и ела.

Дорогой читатель, ты, наверное, подумаешь, что я это все выдумал и в жизни таких вещей не бывает. Но знающие меня люди знают, что я не любитель врать и не получаю от этого никакого удовольствия. Такие вещи бывают в Инте, я видел своими глазами.

После увиденного мне стало плохо. Мне казалось, что звук чавканья крысы повысили репродуктором. Чтобы не слышать этих звуков, я заткнул уши, но и это не помогло. Звук был в моей голове. Не сказав ни слова, я вернулся и сел в машину. То, что я увидел, много раз проносилось перед глазами и, прошу прощения, меня начало рвать. Я подумал, что после такого остаться в этом городе равно поеданию собакой ею же вырванного.

Возвращаясь обратно, Павел начал с удовольствием объяснять увиденное. Ты смотри, у этого мужика есть проверенный много раз способ борьбы с крысами: поймав несколько крыс, он держит их без еды. От голода крысы выбирают одну среди своих и съедают ее. Затем приходит очередь другой, таким образом, остается одна. Та крыса, которую ты видел, была всего лишь одной из них. Эта крыса – биологическое оружие. Для нее нет ничего лучше крысиного мяса. Ее отпускают туда, где много крыс, и она ловит и ест тех, которые попадают, остальные убегают. Таким образом, не остается нужды для отравления обработкой лекарством или установки ловушек.

Когда мы доехали до города, уже стемнело. Павел устал говорить и молча крутил руль машины. Машина скользила по дороге, погода была влажной из-за темноты и дождя: как будто ты на какой-то очень скользкой поверхности и не знаешь, куда и зачем едешь, на самом деле даже не едешь, а скользишь.

– Куда едем? – спросил Павел, не отводя глаз от дороги.

– В ад, – сказал я.

– Мы уже тут, мой друг, уточни конкретно, в какую часть ада поедем?

– Я уже уточнил, – и уверенным голосом сказал: – Езжай на вокзал! Я хочу купить билет на поезд, который уедет отсюда.

Павел даже не изменился в лице. Как будто знал, что услышит эти слова. Он как ни в чем не бывало сказал:

– Если бы у меня не было пары мелких дел, я бы поехал с тобой, – и, глубоко вздохнув, поехал в сторону вокзала.